

DOI 10.34685/NI.2019.15.58.007

Цивилизация и культура

Бахревский Е.В.

Ценности Российской цивилизации: вызовы и пути их преодоления

Аннотация. В статье рассматривается отражение ценностей Российской цивилизации в документах стратегического планирования Российской Федерации (Конституция, Основы государственной культурной политики, Стратегия национальной безопасности, Стратегия развития воспитания), поставлен вопрос об уникальности ценностной системы российской цивилизации и её отношения к аналогичным системам других цивилизаций. Рассмотрен опыт ценностной политики современных евразийских цивилизаций.

Сделан вывод, что любые меры противодействия разрушительным тенденциям в российском обществе должны быть принципиально направлены на поддержание коллективных идентичностей любого уровня – родственных, этнических, религиозных, социальных, профессиональных и других.

Ключевые слова: системы ценностей, ценностные вызовы, Российская цивилизация.

Российские традиционные духовно-нравственные и культурно-исторические ценности могут быть определены как ценности, свойственные уникальной российской цивилизации, особенность и самоценность которой провозглашена в ряде документов стратегического планирования Российской Федерации. Важнейшим среди этих документов являются Основы государственной культурной политики (утверждены указом Президента Российской Федерации № 808 от 24 декабря 2014 г.). Среди целей государственной культурной политики здесь названа «передача от поколения к поколению традиционных для российской цивилизации ценностей и норм, традиций, обычаев и образцов поведения». В Стратегии национальной безопасности Российской Федерации (утверждена Указом Президента Российской Федерации от 31 декабря 2015 г. N 683) среди стратегических целей обеспечения национальной безопасности в области культуры называется

«сохранение и приумножение традиционных российских духовно-нравственных ценностей как основы российского общества». Говорится, что «основой общероссийской идентичности народов Российской Федерации является исторически сложившаяся система единых духовно-нравственных и культурно-исторических ценностей, а также самобытные культуры многонационального народа Российской Федерации как неотъемлемая часть российской культуры». В этом же документе находим и перечисление указанных ценностей: «приоритет духовного над материальным, защита человеческой жизни, прав и свобод человека, семья, созидательный труд, служение Отечеству, нормы морали и нравственности, гуманизм, милосердие, справедливость, взаимопомощь, коллективизм, историческое единство народов России, преемственность истории нашей Родины». «Размывание традиционных российских духовно-нравственных ценностей» называется угрозой национальной безопасности в области культуры.

В Общих положениях Стратегии развития воспитания в Российской Федерации на период до 2025 года (утверждена Распоряжением Правительства Российской Федерации от 29 мая 2015 г. N 996-р) указывается, что этот документ выработан «в условиях цивилизационных вызовов». Среди ориентиров духовно-нравственного развития детей выделены, в частности:

- воспитание у детей чувства достоинства, чести и честности, совестливости, уважения к отцу, матери, учителям, старшему поколению, сверстникам, другим людям;
- развитие в детской среде ответственности и выбора, принципов коллективизма и солидарности, духа милосердия и сострадания, привычки заботиться о детях и взрослых, испытывающих жизненные трудности.

Некоторые ценности российского общества упоминаются в Конституции России. Правда, эти упоминания бессистемны и непоследовательны. В Конституции Российской Федерации нет упоминания этнических названий (они присутствуют в более чем 90% конституций мира, в Европе – 82,9%), а также религиозных идентификаторов (их содержат более 58% конституций мира, в Европе – 60%). Доля конституций, которые не содержат ни национальных, ни религиозных идентификаторов, всего 8,2% [1]. К «высшим ценностям» в соответствии с российской Конституцией относится лишь «человек, его права и свободы» (ст. 2), что говорит о крайне либеральном идеологическом фундаменте Основного Закона России.

Не вызывает сомнения оправданность применения ценностного подхода к государственной политике во многих сферах, прежде всего, социальных и гуманитарных. В социологической теории понятие «ценности» неразрывно связано с понятием «действия». «Ценность — не просто вербальный феномен, не сотрясение воздуха, это мотив, ориентир и программа некоего акта. Ценности дают исповедующему их способность и силу действовать, потому что сами исполнены силы. Силы, источник которой в социологических терминах описывается как область сакрального»[2].

Декларативный и неконкретный характер системы ценностей российской цивилизации, обозначенный в приведённых документах, на наш взгляд, очевиден. Комплексное исследование ценностных ориентиров современного российского общества могло бы дать ясную картину актуальной ситуации и послужить основой выработки государственной политики в гуманитарной сфере. Попытки выявить и описать присущую России систему ценностей в последнее время неоднократно предпринимались, хотя российское научное сообщество в данном вопросе, безусловно, находится в самом начале пути. Учёные здесь сталкиваются с множеством трудностей, которые связаны, прежде всего, с проблемой «уникальности» российской цивилизации, которая вроде бы представляется очевидной, исходя из специфики российской географии, своеобразия исторического пути, из особенностей этнической и социокультурной структуры российского общества. При более внимательном рассмотрении вопроса сразу же возникает ряд проблем.

Во-первых, российская цивилизация, если рассматривать её как систему, включает в себя целый ряд подсистем, которые также нередко называются цивилизациями. Это, например, кавказская, циркумполярная, угро-финская (уральская), сибирская, алтайская цивилизации. Отметим, что почти все эти «цивилизации» не ограничены территорией современной России, имеют существенные продолжения за её границами. Целый ряд секторов российского общества являются в то же время частями иных общностей, которые также нередко именуются цивилизациями или мирами: европейская, византийская, христианская, иудео-христианская, исламская, буддийская цивилизации, «тюркский мир», «славянский мир», «иранский мир», «монгольский мир» и т.д. Основные духовные центры, историко-культурные и демографические ядра большинства из этих цивилизаций находятся вне России. Таким образом, Россия, будучи самостоятельной цивилизацией, в то же время является периферией других цивилизационных систем. Возникает вопрос реального единства столь разнородных элементов в единых рамках.

Во-вторых, не прекращаются терминологические и сущностные дискуссии вокруг многочисленных смыслов и коннотаций, связанных с понятиями «российской» и «русской» цивилизаций. Эта дискуссия (непонятная для иноязычных) усложняет нашу проблематику. Ещё более непростым вопрос о российском цивилизационном своеобразии делает давняя и устойчивая традиция российской «внутренней русофобии» (смердяковщины).

Отметим также, что, по мнению Ф. Фукуямы, «подлинно индивидуалистические общества, члены которых не умеют объединяться друг с другом, действительно существуют. В таких обществах слабыми являются и семья, и добровольные объединения, а наиболее крепкими сообществами подчас оказываются преступные группировки. В качестве примеров можно назвать Россию и некоторые другие бывшие коммунистические страны, а также отдельные районы некоторых крупных городов США»[3]. Столь жёсткая характеристика нашей страны была дана в работе от 1995 года, когда разрушительные процессы в постсоветском обществе достигли своего максимального развития, однако очевидно, что она имела под собой основания, и нельзя быть до конца уверенным, что описанная ситуация в российском обществе полностью преодолена.

Понимание российского общества как «подлинно индивидуалистического» активно оспаривается в последние годы, в политологической литературе последних лет приобрели популярность тезисы об имманентном традиционализме россиян и/или об «откате» российского общественного сознания на традиционалистские позиции[4].

Попытки перечисления присущих исключительно российской цивилизации ценностей сталкиваются с вопросом, насколько эта система отлична от системы ценностей других цивилизаций. Например, от системы традиционных ценностей Китая, Ирана, Бразилии или даже Техаса. Удостоверившись, что перечень ценностей в указанных системах будет примерно одинаковым, с довольно небольшим количеством не слишком принципиальных различий, возможно вести речь о долевыми соотношениях тех или иных ценностей в составе соответствующих систем, особых иерархиях ценностей и т.д. Этот путь нам представляется сложным и, с большой вероятностью, малопродуктивным.

Существует иной подход в исследовании ценностных ориентиров общества, основанный на «пирамиде потребностей» американского социолога Абрахама Маслоу. Этот метод работает только в динамике, при помощи выявления сдвигов основных ценностных ориентиров общества вверх-вниз по пирамиде: от базовых потребностей в физическом выживании и безопасности, через потребности в любви и уважении, то есть, в принадлежности к коллективу, далее, к ценностям познания, к эстетике и самоактуализации, к развитию собственной личности. Безусловно отражая социально-психологическую ситуацию в обществе, данные исследования не могут отразить отличительные черты системы ценностей, присущей той или иной цивилизации.

Логическим развитием теории Маслоу является подход к изучению ценностных структур различных обществ и стран мира проекта World Values Survey (WVS), возглавляемого Р. Инглхартом [5]. Он рассматривает ценности как динамическое явление и измеряет их по двум шкалам: «Первое из этих двух измерений отражает сравнительные различия стран в рамках бинарной оппозиции “традиционные ценности – секулярно-рациональные ценности”, а второе – в рамках оппозиции “ценности выживания – ценности самовыражения» [6]. По мнению Инглхарта, «традиционные ценности» и «ценности выживания» соответствуют индустриальному, «материалистическому» обществу (а также более ранним общественно-экономическим формациям), в котором никогда не было гарантии от «суровых экономических лишений» и даже голода. При достижении обществом «исторически беспрецедентной степени экономической безопасности» (достигнутой индустриальными обществами после Второй мировой войны), при которой человек не ощущает угрозы своему физическому выживанию, «традиционные» ценности сменяются «секулярно-рациональными», а «ценности выживания» – «ценностями самореализации» Такое общество автор называет «постиндустриальным» или «постмодернистским», при этом «впервые в истории люди в массе своей... выросли, усвоив ощущение, что выживание можно принимать как должное» [7].

Инглхарт достаточно красочно и логично рисует систему традиционных ценностей и ценностей выживания, однако картина постмодернистских ценностей у него получается бледной и невыразительной. Создаётся впечатление, что суть произошедших изменений, которые автор считает фундаментальными, заключается в росте экологического сознания, а также в переоценке семейных ценностей и сексуальных норм поведения.

Показательно, что по оси «традиционные/секулярно-рациональные ценности» современная Россия, согласно данным WVS за 2010–2014 гг., попадает в ту же группу стран, что и Венгрия, Люксембург, Швейцария, Исландия, а по оси «ценности выживания/самореализации» – в одну группу с Ираком, Палестиной, Азербайджаном и Литвой [8]. Следовательно, её можно охарактеризовать как страну, находящуюся скорее на индустриальном, чем на аграрном этапе развития, но с достаточно слабо развитыми диспозициями, характерными для постиндустриального общества [9]. На наш взгляд, ценность результатов исследований по данной методике представляются сомнительной.

Очевидно, что деструктивные влияния, направленные на размывание российских традиционных духовно-нравственных и культурно-исторических ценностей, могут исходить из соседних цивилизационных систем, центры которых расположены вне России. Наиболее масштабными, агрессивными и потенциально опасными на настоящий момент представляются влияния Западной Европы, США, исламского мира, тюркского мира. Иные упомянутые выше цивилизационные центры в настоящее время сравнительно неопасны, однако теоретически они также могут оказаться источниками угрозы в будущем.

Современная дискуссия по вопросу о ценностях в России и во многих других странах во многом порождена кризисом либерально-демократических ценностей, претендующих на статус «общечеловеческих». Их основной носитель, условный «Запад», более не является непререкаемым мировым лидером ни в демографическом, ни в военном, ни в экономическом отношениях, как это было на протяжении последних нескольких столетий. Тем не менее, «Запад» по привычке претендует на то, что является правообладателем системы, представляющей собой совокупность «общечеловеческих ценностей», таким образом, утверждая собственную исключительность.

Очевиден и внутренний кризис «западной» системы ценностей. То, что сейчас подразумевается под этими ценностями, безусловно, не имеет никакого отношения к европейскому мироощущению периода могущества Западной Европы в Новое время (с конца XV по XX в.). Достаточно упомянуть, что то, что ранее называлось демократией, теперь называется «популизмом» или «мажоритаризмом». Очевиден и полный отказ от христианских идей, на место которых пришёл сначала гуманизм, а теперь – трансгуманизм. Осознание данной проблемы на «Западе» выразилось, например, в признании краха идеологии и политики мультикультурализма ещё в 2011 г.

Показательны недавние слова президента Франции Э. Макрона, прозвучавшие на совещании французских послов в августе 2019 г.: «Мы определённо являемся свидетелями конца западной гегемонии в мире. Мы привыкли к международному порядку, который полагался на западную гегемонию с XVIII века. Эта гегемония была, видимо, французской в XVIII веке благодаря Просвещению, безусловно, британской в XIX веке благодаря промышленной революции и, логично, американской за счет двух мировых конфликтов, а также экономического и политического доминирования этой державы. Всё меняется... Нужно отметить появление новых держав, значение которого мы долгое время недооценивали. Прежде всего, речь идёт о Китае, а также о российской стратегии, которая, нужно сказать, реализуется последние годы с большим успехом... Индия тоже набирает силу и становится не только экономической, но и политической державой, которая рассматривает себя как настоящее государство-цивилизацию... Посмотрите на Индию, Россию и Китай. Ими всеми движет гораздо более сильное политическое вдохновение, чем есть сегодня у европейцев. Они смотрят на мир с настоящей логикой, настоящей философией и представлениями, которые мы потеряли в определенной степени... Я также имею в виду подъем Африки, который подтверждается с каждым днём и тоже ведёт к масштабным перестановкам». И далее: «Я считаю, что Европа всегда характеризовалась настоящим гуманизмом, который проходит красной нитью через нашу судьбу... Если мы продолжим двигаться по пути к обвалу и рассматривать мир так, как я это описал, европейский гуманизм исчезнет. США находятся в западном лагере, но не несут в себе того же гуманизма... Существует примат свободы, который глубоко характеризует американскую цивилизацию и объясняет наши отличия, несмотря на прочные союзнические связи... Проект европейской цивилизации не может продвигать вперед ни католическая Венгрия, ни православная Россия. Мы же отдали инициативу двум этим лидерам. Я говорю об этом с большим уважением. Послушайте выступления в Венгрии или России: у этих проектов хватает различий, но они несут в себе культурную и цивилизационную жизненную силу, которую я лично считаю ошибочной, но вдохновляющей» [10]. Помимо признания «жизненной силы» российского «проекта», обращает на себя внимание, что президент Франции относит Америку к иной, неевропейской цивилизации.

Французское лидерство в области гуманизма и цивилизационной исключительности оспаривают США, которые воспринимают себя как «ярчайший маяк свободы и возможностей... защищающий всё благое и справедливое в нашем мире» [11].

Естественной реакцией на сложившуюся ситуацию во всём мире являются те или иные попытки освободиться от концептуальной зависимости от Запада, в том числе – сформулировать собственное отличие в области системы ценностей. Если для таких стран, как Китай, Индия или Иран эта задача не выглядит сложной, так как они опираются на собственный богатый опыт цивилизационного развития и, безусловно, не являются частью «Запада», не имеют комплекса неполноценности по отношению к «Западу», то для России дело обстоит гораздо сложнее. Имея тесные культурные и религиозные взаимосвязи с Европой и традицию самоотождествления с христианской или европейской цивилизацией, Россия в очередной раз стоит перед необходимостью осознать и сформулировать собственную уникальность. Первая такая попытка

была сделана славянофилами в XIX в., вторая – евразийцами в XX столетии. Обе попытки можно признать интеллектуально состоявшимися, однако, не нашедшими практического выражения в сфере государственного и социокультурного строительства.

Опасность идеи цивилизационной унификации в различных цивилизациях была осмыслена достаточно давно. Например, один из интеллектуальных лидеров индийского национального возрождения в первой половине XX в. Шри Ауробиндо полагал, что «потребность экспансии, заложенная самой Природой, побуждает цивилизации к распространению и попутному разрушению и ассимиляции чуждых им элементов других культур». Его идеалом было мирное сосуществование различных культур в обстановке взаимоуважения, когда каждая культура сохраняет свою целостность и осознаёт себя частью единого мирового процесса. «Однако пока доминирует принцип единоборства, приходится подчиняться действию низшего закона: в разгар битвы гибельно складывать оружие. Культура, которая отказывается от своей живой самобытности, цивилизация, которая пренебрегает активной самозащитой, будут обязательно поглощены другими, и при этом народ, утратив свою душу, погибнет» [12].

Ценностные вызовы российской цивилизации со стороны националистических проектов типа тюркского, монгольского или угро-финского мира, несомненно, несут угрозу культурно-историческому единству народов Российской Федерации, утверждая приоритет единства «по крови» и по языку над общим историческим опытом государственного и культурного строительства совместно с «неродными» этническими группами. Ценностные системы любых националистических проектов чаще всего достаточно близки друг к другу. Потенциально наиболее разрушительным для российской цивилизации может оказаться русский националистический проект. Наиболее последовательные русские националисты в качестве цивилизационных ориентиров выдвигают различные историко-культурные конструкты, наиболее характерным из которых являются несколько версий русского язычества.

Российскую ценностную политику полезно сравнить с подобной политикой, проводимой в соседних евразийских цивилизациях, имеющих не менее сложную, чем в России социокультурную и этническую структуру общества.

В Китае под руководством коммунистической партии успешно внедряется система конфуцианских ценностей, пронизывающих все сферы жизнедеятельности китайского общества. В современной китайской идеологии огромное значение придаётся идее почитания старших и власти, восприятия жизни как испытания. Всячески популяризируются конфуцианские ценности: почитание традиций, трудолюбие, дисциплина, подчинение личности коллективным интересам, почтение к общественной иерархии, важность согласия и неприемлемость конфронтации внутри китайского общества. Китайский национализм, вызванный длительным периодом национального унижения со стороны европейских держав и Японии, имеет ярко выраженный цивилизационный характер. Современное руководство КНР, используя формулу «древность на службу современности», обращается к национальному культурному наследию, успешно интерпретируя те идеи и

концепции, которые содержат ценности, актуальные для обеспечения национальной безопасности Китая [13]. Традиционная культура становится частью комплексной национальной мощи Китая, обеспечивающей стране не только аргументы для внешней пропаганды, но и защиту от нежелательного внешнего проникновения [14]. Основой современной идеологии Китая является конфуцианское мировоззрение «единения без унификации», гармонии различных сил при сохранении их множественности и многообразия. Необходимо отметить, что эта формулировка является привлекательной для многих стран с «имперскими» традициями, в том числе для России.

Основным источником деструктивных влияний, направленных на размывание российских традиционных духовно-нравственных и культурно-исторических ценностей является современная идеология либерализма и культура постмодерна, имеющая глобальный характер. Основным смыслом парадигмы постмодерна является разрушение всех без исключения коллективных идентичностей человека (этнической, гражданской, религиозной, классовой, половой и т.д.). Идеалом и конечной целью данного явления являются разрозненные и отчуждённые индивидуумы, которые совокупно вообще не порождают никакого нового единства – ни естественного, ни искусственного. Они живут вместе, но по отдельности, ничего не зная друг о друге и зная не желая [15]. Процесс преодоления всех коллективных идентичностей, «расчеловечивания» в перспективе должен завершиться «антропологическим исходом»: исходом из человеческого тела и появлением постчеловеческих форм телесности [16]. Помимо прочих, важнейшим направлением атаки постмодерна является традиционная сексуальность. Свободная от всех ограничений традиции сексуальность означает случайность, необязательность, эфемерность эротики, преодолевающая любые запреты и ограничения. Новая сексуальность является не мужской и не женской, она не обращена ни к другому полу, ни к своему, ни к полу вообще.

Современная информационная эпоха привела к новой стадии разобщённости в естественных человеческих коллективах. В эпоху модерна, например, в советском обществе второй половины XX в. просмотр телевизора был формой культурного общения семьи, компании друзей и т.д. Теперь у каждого человека свой экран со своим информационным и художественным контентом.

Любые меры противодействия разрушительным тенденциям в российском обществе должны быть принципиально направлены на поддержание коллективных идентичностей любого уровня – родственных, этнических, религиозных, социальных, профессиональных и других. Исключительно оборонительная, охранительная позиция в данном вопросе, без активных наступательных действий по продвижению российского видения гуманитарного, государственного и мирового развития, на наш взгляд, не имеет перспективы. Потенциал российской цивилизации настолько велик, что даже достаточно скромные и не всегда последовательные шаги России на мировой арене извне воспринимаются как мощный проект. Россия в ближайшее время должна выработать стратегию цивилизационного развития, основанную на сочетании приоритета традиционализма,

коллективизма, этнического и социо-культурного многообразия с передовым научно-техническим развитием.

ПРИМЕЧАНИЯ

- [1] *Багдасарян В.Э.* Конституция и ценности // Вестник Московского государственного областного университета. Серия: Юриспруденция. – 2013. – №3. – С. 7-8.
- [2] *Каспэ С.И.* Политическая нация и ценностный выбор: общие положения, российский случай (II часть) // Полития. – 2009. – № 4. – С. 13.
- [3] См.: *Фукуяма Ф.* Доверие: социальные добродетели и путь к процветанию: Пер. с англ. / Ф. Фукуяма. — М.: АСТ; Ермак, 2004. – 730 с.
- [4] *Паун Э.А.* Волновая природа подъема традиционализма на рубеже XX–XXI веков // Общественные науки и современность. – 2011. – № 2. – С. 45-56.
- [5] См.: URL: <http://www.worldvaluessurvey.org/wvs.jsp> (дата обращения: 06.12.2019).
- [6] *Инглхарт Р., Вельцель К.* Модернизация, культурные изменения и демократия: последовательность человеческого развития. – М.: Новое изд-во, 2011. – С. 80.
- [7] См. подробнее: *Инглхарт Р.* Постмодерн: меняющиеся ценности и изменяющиеся общества // Политические исследования. – 1997. – № 4. – С. 6-32.
- [8] URL: http://www.worldvaluessurvey.org/images/Cultural_map_WVS6_2015.jpg (дата обращения: 06.12.2019).
- [9] *Кузнецов И. М.* Ценностные ориентиры и социально-политические установки россиян // Социологические исследования. – 2017. – № 1. – С. 48.
- [10] Цит. по: Макрон: «Нужно перетасовать карты в прямом диалоге с Россией» (ELYSEE, Франция). – URL: <https://inosmi.ru/politic/20190829/245728317.html> (дата обращения: 06.12.2019).
- [11] Обращение Джорджа Буша к нации 11 сентября 2001 г. – URL: <http://www.whitehouse.gov/news/releases/2001/09/20010911-16.html> (дата обращения: 01.11.2019).
- [12] *Шри Ауробиндо.* Собрание сочинений. Т.8: Основы индийской культуры / пер. с англ. – СПб.: Адити, 1998. – С. 4-5.
- [13] *Морозова В.С.* Традиционные ценности китайской цивилизации в обеспечении национальной безопасности КНР// Вестник ЧитГУ. – 2009. – № 5 (56). – С. 218.

[14] См. подробнее: *Кузык Б.Н. Титаренко М.Л.* Китай – Россия 2050: стратегия соразвития, – М.: Ин-т экон. стратегий, 2006. – 654 с.

[15] *Дугин А.Г.* Постфилософия : Три парадигмы в истории мысли. – М.: Евраз. движение, 2009. – С. 82.

[16] См.: *Хардт М., Негри А.* Империя. – М.: Праксис, 2004. – 440 с.

© Бахревский Е.В., 2019.

Статья поступила в редакцию 05.12.2019.

Бахревский Евгений Владиславович,

кандидат филологических наук,

заместитель директора Российского научно-исследовательского института культурного и природного наследия им. Д.С.Лихачева (Москва),

e-mail: info@heritage-institute.ru

Bahrevsky E.

The values of Russian civilization: challenges and ways to overcome them

Abstract. The article considers the reflection of the values of Russian civilization in the strategic planning documents of the Russian Federation (Constitution, the Fundamentals of state cultural policy, the National Security Strategy, the Strategy for the development of education), poses the question of the uniqueness of the value system of Russian civilization and its relationship to similar systems of other civilizations. The experience of the value policy of modern Eurasian civilizations is considered.

It is concluded that any measures to counter destructive tendencies in Russian society should be fundamentally aimed at maintaining collective identities of any level — related, ethnic, religious, social, professional and others.

Key words: value systems, value challenges, Russian civilization.

Bahrevsky Evgeny Vladislavovich,

PhD in Philology,

deputy director of the Russian Scientific Research Institute for Cultural and Natural Heritage named after D.Likhachev (Moscow)